

Вопросам творчества — главное внимание!

За пять лет, прошедших после опубликования постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, наша литература, вдохновленная советской действительностью, создательным трудом народов СССР, строящих коммунизм, добилась немалых успехов.

Но не в обычаях советских людей останавливаться на достигнутом. Отмечаемая нами достигнута в области литературы, мы стремимся развить ее, чтобы и дальше ее дальнейшему росту, чтобы только критически недостатками, только открытыми ошибками, можно расти и совершенствоваться.

Союз советских писателей призван разрабатывать и направлять творческое соревнование прозаиков, драматургов, поэтов, сценаристов, критиков, добиваясь на основе этого творческого соревнования новых успехов нашей литературы.

Повторяем внимание к вопросам творчества — вот что должно быть главным во всей работе Союза писателей. Способствует ли это или иные мероприятия, проводимые Союзом писателей, творческим успехам? — вот основной, вот решающий критерий для оценки деятельности органов Союза писателей. Однако правление и секретариат ЦСН даже не всегда умеют выделить главную задачу — обеспечение творческих успехов — и сосредоточить именно на ее выполнении все внимание, все усилия.

Напротив, те организационно-технические и административные формы деятельности органов Союза писателей, которые должны играть служебную роль, являясь лишь средством для обеспечения творческих успехов, нередко превращаются в Союзе писателей в самоцель, оттягивая на второй план вопросы творчества.

Для достижения творческих успехов решающее значение имеет идейно-политическое воспитание творческих кадров, которое не может осуществляться без критики и самокритики.

Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и выступления партийной печати каждый раз давали стимулы искусства и литературы, глубоко выходящие за пределы формальных требований идеологичности, глубочайшее проникновение в основные проблемы искусства или литературы.

Можно ли сказать, что в Союзе писателей сделано все для того, чтобы проявить всю деятельность организации писателей духом критики и самокритики? Нет, пока это еще, к сожалению, не так! Критика в Союзе писателей до сих пор в значительной степени осуществляется в зависимости от депешной «табели о рангах».

Как справедливо отмечалось в статьях В. Ковалевского и А. Фадеева, опубликованных в «Литературной газете», произведения так называемых «ведущих писателей» и прежде всего членов секретариата обсуждались на совещаниях, закрытых от широкой писательской общественности.

Совершенно была «освобождена» от критики группа ведущих писателей Украины, произведения которых либо совсем не обсуждались, либо становились объектом неудержимого восторга. В Ленинградском отделении ЦСН не критиковали произведения поэтов и прозаиков — А. Прокофьева, В. Саянова, В. Пановой и др.

Бывали и такие случаи, когда на обсуждениях тех или иных произведений одерживали верх приятельские соображения, сказывалось нежелание портить отношения. Именно так, в обстановке уявленного благодушия, обсуждалась в Союзе писателей порочная пьеса К. Финна «Честность».

Забвение общественных форм работы в Союзе писателей проявилось в неумении развернуть среди писательской общественности широкие творческие дискуссии, открыть свободное русло для общественной инициативы писателей и с особой ответственностью — в сложной работе творческих секций.

В статьях В. Ковалевского, А. Фадеева, Г. Леберехта уже указывались причины плохой работы секций. Их вялительность в замкнутости, низкий уровень творческих обсуждений, отсутствие руководства в внимания к секциям со стороны секретариата Союза писателей привели к тому, что литераторы утратили интерес к работе секций.

Лишь недавно секретариат Союза писателей принял решение, направленное на переустройство и улучшение работы секций. Необходимо добиться, чтобы это решение не постигла участь многих решений секретариата, которые не были претворены в жизнь. Не следует, однако, думать, что можно добиться переустройства всей деятельности Союза на творческой волне одной только реорганизационной секции. Кроме секций, в Союзе писателей есть, как известно, комиссии, состоящие из писателей и критиков. Вместо того, чтобы обратиться в своей работе на широкий писательский актив, они часто пытаются решать сложные вопросы руководства литературным процессом силами штатных работников.

Но важно думать, что 3—4 штатных работника комиссии могут, если на берегу творческого процесса, влиять при помощи кабинетных мер на движение этого могучего потока. Без активной роли в лучшем случае превращаются в статистиков от литературы, будут успевать регистрировать

вать проплывающие мимо книги, а быть может, и этого не успеют! В последнее время комиссия Союза писателей в значительной степени утратила творческий и общественный характер, стала на путь бюрократической деятельности. Но кому же не известно, что литературой — этим живым, гибким многообразным и прежде всего творческим делом — нельзя руководить административно-аппаратным способом.

Между тем опыт недавнего времени показал, что комиссия только тогда удавалось с успехом осуществлять то или иное дело, имеющее значение для всей нашей литературы, когда она опиралась на силы писательской общественности. Примером могут служить творческая конференция писателей Поволжья и особенно второе Всесоюзное совещание молодых писателей. Успех комиссии по русской литературе край и областей в первом случае и комиссия по работе с молодыми писателями — во втором стал возможен только благодаря тому, что подготовка и проведение этих двух совещаний были инициативой самих писателей, а не чиновников. И, напротив, если сейчас, как свидетельствуют многочисленные письма с мест, решения, принятые по итогам совещания молодых писателей, плохо выполняются в жизни, то это объясняется прежде всего тем, что комиссия по работе с молодыми писателями не сумела сохранить актив, сложившийся в ходе подготовки к совещанию.

Положительные результаты, достигнутые при подготовке к декадам национальных писателей, когда устанавливались живой и непосредственный контакт писателей братских республик с литераторами Москвы, часто не удавалось закрепить именно потому, что бюро национальных комиссий активизировалось только в дни декады, а в повседневной своей работе недостаточно связано с писательской общественностью.

Большее всего полагается на аппаратные методы работы одна из важнейших комиссий Союза — комиссия по критике и литературоведению, и именно поэтому здесь дело обстоит наиболее неблагоприятно. Комиссия по критике не сумела добиться того, чтобы актив критиков и литературоведов принимал систематическое и непосредственное участие в работе творческих секций, хотя известно, что постановления ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии» резко осудили обособленность критиков от других отрядов советских литераторов.

Плохо работают комиссии по критике и в некоторых республиканских советах партийного собрания украинские писатели, обсуждая статью «Правды» «Против идеологических извращений в литературе», были сделаны в адрес комиссии по критике ЦСН и ее председателю Л. Новиченко.

Решительная перестройка работы секций и комиссий будет первым шагом к переустройке всей деятельности Союза писателей на основе общественной, на основе творческой.

Но этим не исчерпываются задачи переустройства. Союзу писателей необходимо, наконец, добиться, чтобы редколлегия его печатных органов — литературных журналов и газет, издаваемых в Москве и на местах, — улучшила свою работу, чтобы журналы и газеты имели настоящее коллективное руководство, чтобы писательская общественность была в курсе работы печатных органов Союза писателей.

Областные и краевые отделения Союза писателей обязаны осознать свою полную ответственность за выходящие в края и областях литературные альманахи. Нельзя, как это в течение ряда месяцев делали ростовские писатели, равнодушно взирать на то, что областной альманах не выходит в срок.

Краевые и областные отделения Союза писателей нуждаются в постоянном внимании со стороны секретариата и правления Союза писателей. Литераторы края и областей ждут прежде всего творческой помощи. Встречи с опытными мастерами литературы, совместные обсуждения произведений, ознакомление с рукописями молодых и начинающих — вот в чем прежде всего может и должна заключаться эта помощь.

В издательствах созданы редакционные советы, включающие писателей, критиков, литературоведов. Однако некоторые из писателей, входящие в эти советы, не работают в них, а редакционные советы пока еще не выявляют достаточно глубоко их деятельность издательств.

Все дела и начинания Союза писателей сопровождается успехом в том случае, если к ним привлекается писательская общественность и если эти дела и начинания подчинены главной задаче творческого совершенствования. Недостатки в работе секций, комиссий и печатных органов Союза писателей, уже не раз подвергавшиеся критике, до сих пор не устранены. Это свидетельствует о том, что руководители Союза писателей забывают о самом главном в деятельности писательской организации.

Произвать всю деятельность Союза писателей духом критики и самокритики, духом творческого соревнования и общественной активности для того, чтобы на этой основе возникли новые высокохудожественные и высокохудожественные произведения, — вот важнейшая задача Союза писателей, которая стоит перед ним в нашу эпоху великих исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам.

Подготовку турбины к отправке работники завода вели в сотрудничестве с железнодорожниками. Заместитель начальника станции Ленинград-Финляндская-товарная Г. Кочанов был главным консультантом заводских транспортников, помогал им лучше разместить и закрепить громоздкие негабаритные детали. Специальная комиссия отделения дороги приняла турбину в отрывке, тщательно проверив ее размеры и проверив надежность ее крепления.

Первая турбина, сделанная в испытательном Ленинградском институте в конструктивном Ленинградском металлургическом заводе имени Сталина.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 90 (2808) Вторник, 31 июля 1951 г. Цена 40 коп.

В. ОСОКОВ, секретарь Горьковского обкома ВКП(б)

Образ большевистского руководителя

Во всех своих делах советский народ, строящий коммунизм, чувствует направляющую руку партии, развивая на свой аманитари. В упорной, напряженной борьбе с трудностями выковываются преданные, отдающие себя без остатка служению Родине люди, которых партия ставит на наиболее трудные участки коммунистического строительства. Лучших из них она выдвигает в руководящий состав. Когда читаешь книги писателя, в которых запечатлены образы партийных руководителей, терпеливо, с желанием ловишь все поучительное для своей повседневной практики, отличающееся типичными чертами характера партийного работника, видишь, что же нового в стиле, в методах их работы. Там, где писатель творчески подходит к своей задаче, опираясь на серьезное знание, адекватное изучение жизни, образ партийного руководителя получается полнокровным, живым, устремленным в будущее. У него есть чему поучиться, оп может дать толчок в размышлениям. К поискам новых форм, новых приемов работы. У шолоховского Давыдова в тридцатые годы и павленковский Воропаев после Отечественной войны было что поизучать. В каждом партийном активисте, в эти книги не раз помогали найти выход, принять верное решение, найти яркие слова и убедительные доводы для бесед с людьми.

За последние годы в нашей литературе было немало попыток показать партийного работника. Но не всегда эти попытки удачны. То появляется приглаженный Гамонин в «Волгелухе» А. Рыбакова, то пыжеч не примечательный партиз Грюгун в В. Пановой в «Кружнике»... Многогранный, напряженный и увлекательная работа партийного работника даже во многих хороших книгах дана схематично, неестественно и подчас скучно. Такие партийные работники не могут влиять на судьбы людей, на развитие событий, они не могут быть вожаками.

А ведь какие прекрасные качества развивает партия в своих работниках, сколько вносит каждый день в их работу свежего и интересного! Партия заботится, чтобы ее руководящие работники были людьми высокообразованными, с широким кругозором, умеющими видеть новое, растущее, в малом — большое.

«Ленинизм», — указывает товарищ Сталин, — есть теоретическая и практическая школа, выработавшая особый тип партийного и государственного работника, создающая особый, ленинский стиль в работе».

Партийные кадры, выросшие в условиях социалистического строительства, выработали в себе замечательное качество — высокую деловитость, умение работать на деле, политическую зрелость. Но, к сожалению, эта, одна из важнейших сторон ленинского-сталинского стиля в большевистском руководстве в произведениях писателей показана неудовлетворительно. Речевые, проповедные, правочерный больше чем надо, а вот показав простых, но живых фактов коммунистического строительства, в котором партийный работник участвует прежде всего делами, недостаёт.

А как хочется увидеть в книге ищущего, бесполодного человека, у которого хватает настойчивости довести начатое дело до конца, человека, который умеет заглянуть вперед и направить деятельность людей, уметь, как растет и закаляется член партии в огне большевистской критики, в непрерывной борьбе с трудностями; как он проходит железную проверку в этой борьбе, как он страстно и справедливо, высоко принципиально отстаивает партийные, государственные интересы, как он честно смотрит людям в глаза.

Покажите, товарищ писатель, руководителя, который верит людям и знает людей, который опирается на их опыт, на их ум и смекалку. Пусть он не ограничивает свою деятельность в книге чтением лекций (лучше их издать отдельно брошюрой, чем занимать место в романе или повести), пусть он пробуждает в людях их самые драгоценные качества, необыкновенную жажду к труду, к познанию, пусть он раскрывает сердца людей — находит все новые и новые черты, присущие людям, живущим в новом обществе и строящим коммунизм.

Если писатель идет от жизни, он чувствует направляющую руку коммунистической партии, видит широту ее замыслов, ее революционный размах в сочетании с непреклонной волей к победе и деловитостью высшего типа, присущей большевикам. Если писатель идет от жизни и знает то, о чем пишет, он создает правдивые образы, — и партийный работник у него живой, дышащий, волнующийся человек со своими радостями и печалью, со своими влетами и отбоями.

Воропаев поднимает фронтовиков-колхозников на «ночной ступе». Видя растерявшийся от трудностей коллектив, страстно и гнетно спрашивает он собравшихся: «Есть в зале фронтовики?» И фронтовики поднимаются, они слушают Воропаева, а затем, вдохновенные его призывом, идут на виноградуки, как в бой.

Этот герой! Воропаев желал одного — добиться, и немедленно, перебежка в работе колхоза. Конечно, это не метод для постоянного руководства. Но в тот момент, чтобы завоевать сердца людей, такой порыв был вероиспытанием.

Откровенность, которая лежит на партийных работниках, велика. В своей работе они держат последовательный и ровный экзамеи. Не все руководители его выдерживают. Писатели, которые не бояться показать, как получается, что верный руководитель, ответ от жизни, успокоившись, перестает отвечать своему высокому назначению, — поступают неправильно. В павленковском «Частье» поучительно не только образ Воропаева, в нем поучителен и Кобытов.

«Будь как Воропаев!» — говорит нам эта книга, показывая человека, неустанно ищущего, зоркого к жизни и к людям, человека, который много знает, но еще больше хочет узнать.

«Не будь таким, как Кобытов!» — говорит нам эта книга, показывая человека, нехотого, но душевно уставшего, утратившего представление о перспективах, плещущего в восторе и счастии.

Роман Б. Горбачева «Доблес» был тепло встречен читателями. Образы героев правдивы, любовно очерчены рукой не только писателя-профессионала, а коммуниста, хорошо знающего, чем живут такие люди, как секретарь шахтарткома Николай Чеченко. Есть в книге такой знаменательный эпизод. Секретарь парткома Чеченко говорит в докладу на партийном собрании. Он в море бумаг. Цифры и технические термины заслоняют в них живых шахтеров. Но стоит ему мысленно обратиться к советнику в Сталин, вспомнить простое его слово, чтобы все повернулось по-иному, чтобы все было переделано и попото с партийной точки зрения. Товарищ Сталин говорил в Кремлевском дворце на выпускных академиков Красной Армии: «Пенить машины и работать о том, сколько у нас имеется техники на заводах и фабриках, — научился. Но я не знаю ни одного случая, где бы с такой же охотой разговаривали о том, сколько людей мы вырастили за такой-то период и как мы помогли людям в том, чтобы они росли и закалялись в работе».

И Чеченко, замуханавшись над этими словами вожя, вспомнил все, что было сделано на шахте, вспомнил живых людей и решил доклад переделать: «Должен будет о людях, которых мы — партия — вырастили...»

Чеченко остро ощутил смысл своей работы, почувствовал огромную потребность общаться с людьми, «общественную искру». «...В каждом, даже самом отсталом, самом негодном человеке есть общественная искра, надо только раздуть ее. И это должны делать мы, коммунисты, и прежде всего — я. Люди сами про себя могут и не знать, как делать они...» «...Надо жить среди людей, быть всюду, где люди. И приметив человека, уже не забывай его. Тянуть вверх. Ход ему дать, ход!» Это жажла хорошего партийного работника!

И несколько подробнее остановился на Чеченко потому, что вижу в этом образе доброе сердце автора показать организующую деятельность партии, роль партийных работников в воспитании людей, партийный работник «нашел себя», начал заниматься своим главным делом — работой с людьми, и это показано убедительно: мы верим изменениям в характере главных героев романа, их росту.

Многим, вероятно, пришлось закрыть книгу Н. Асанова «Секретарь партбюро» с неуловительным чувством. Писатель поставил Кудряшова на первый план, казался бы, с хорошим намерением — выделить его, показать партийного работника, сделал его главным героем произведения, а получилось все так неестественно, так неудовлетворительно. Все время ждешь, когда же герой сойдет со своих катушек на землю и почувствует, до чего же земля и люди на ней прекрасны!

Весь тон романа холонный, вравочительный. Автор лишил героев права жизни своей карьерой. Даже промах в работе Кудряшова происходит как-то по шаблону, и заранее известно — стоит появиться начальству, как Кудряшев без всяких сомнений, да и без оубрых доказательств откажется от своих ошибок и будет читать сам себе мораль. Значит, что и как будет делаться, как будут развиваться события, и от этого становится скучно! Вы посмотрите, что делает Кудряшев, — он «могуча наблюдает», «могуча», «отчужденно произнес», опять «наблюдает», «слушает», «просматривает», «ломает голову», «пересривает», «разглязел», «споконвался», «замечает», «признавал», «уловительно пошутил», «се удовлетворением отметил» и т. д. Где здесь действие? Созерцание, кое-где любопытство, кое-где признание своих ошибок. Он ходит на бирю, он говорит с людьми, даже что-то делает, но больше задает вопросы и, пожалуй, в большей мере самому себе. Он сам не уверен в своих поступках и поэтому спрашивает там, где надо советовать, стоит в стороне, где нужно действовать.

Асанов совершенно не удовлетовен особенностями работы горьковского комитета партии и не показаны живые люди партийного аппарата, чья связь с секретарем партбюро и коллективом порта была необходима в плане задуманного романа. Кудряшев вроде и советуется с людьми и в то же время стоит особняком от партийного актива, не опирается на него. Не чувствуется настоящей связи с рядовыми коммунистами, хотя есть и партийные собрания и активы. Он один.

Автор пытается сделать Кудряшова таким, чтобы его читатели полюбили, но как не привлекательны поступки, да и весь облик этой холонной схемы!

Много любовью выписан образ секретаря райкома Панкова в книге Ю. Капусты «В среднем районе».

Панков хороший человек, его любят и ценят за трудолюбие, за старание, он смело воюет, но прост в отношениях с людьми, он работает с размахом и «огочично».

Но на многих страницах перед нами то и дело мстит образ эзегарного телефонными звонками, назумного хозяйственных мелочами человека. Это происходит потому, что автор пытается показать Панкова занимающимся тысячами не свойственных партийному работнику дел. На всем протяжении повести оправдывается «хорошество» партийного руководителя, занимается и хозяйственной работой и политическим воспитанием, этакого контролера в стране дни уборки урожая. А ведь у партийного работника свои методы, свои приемы, свои формы работы, и главное в них — это работа с людьми. Панков за завистью говорит о секретаре соседнего райкома: «Умеет человек с людьми работать... А я по горячке все это частую хвалю сам».

Было бы неинтересно или ханжеством отрицать, что такие, захлестнувшие потоком «текущих» руководители еще существуют. Не в том беда, что писательница показала таким своего героя, а в том, что в его слабости увидела чуть ли не его силу. То, от чего Панкову изобавлять и избавляться, она приподняла, опозировала, романтизировала. Слов нет, в ровной, богатой, упорной и планмерной работе труднее найти поэзию, но писатель, который берет за образец образ партийного работника, должен быть заранее готов к трудностям. Его стереотип не только трудности самой темы, но и — увы! — многие и многие штампы, уже выработавшиеся в литературе: бессонные ночи, вспаленные глаза и личная неустранимость принадлежат к числу наиболее привлекательных.

С хорошим чувством я перечитывал несколько раз замечательную сцену первого партийного собрания в Первомайском колхозе, прекрасно описанную Галиной Николаевой в романе «Жатва». Все — от приготвления к собранию, когда Валентин тщательно выбирался и надел все свои ордена и медали, до принятия решения, до обсуждения возникших при обещании новых и новых вопросов, — естественно и значительно. Тут и живые люди со своими характерами, со своими слабостями и недостатками. Тут и организиация — маленькая, только что назвавшаяся партийная организация, проявившая на себя ответственность за колхоз, ставшая направляющей, руководящей силой в колхозе. Это все от жизни, — а это волнует, это радует.

Роман Г. Николаевой «Жатва» читатель встретил, как большую победу над всей советской литературой, потому что он осветил волнующие вопросы жизни колхозной деревни. Нет в нем наигрыша, есть обобщение прекрасных черт наших передовых людей, есть ответ на многие вопросы, которые волнуют советского читателя. Слабее написан конец романа, вероятно, потому, что Г. Николаева сделала за жизнью и хотела закончить роман сегодняшним днем.

Успеть в эпическом произведении за жизнь — это задача не легкая, и кое в чем в конце романа она решена у Николаевой схематично, образы людей в финальных главах отчасти утратили свою обобщенность и выразительность.

Г. Николаева очень удачно показала в романе личную жизнь Василия и Авдотьи Бортниковых. Она показала рост, становление этих прекрасных русских людей, показала их волю и любовь к труду, их внутреннюю собранность и чистоту. Она сумела сделать общественное начало необходимым условием для преодоления тяжелой семейной драмы. И, может быть, на фоне этой большой удача писателя так бросаються в глаза слабо выписанные

схематичные Андрей и Валентина Стрельцовы.

Зря А. Тарасенков в статье «Труд и творчество» («Новый мир», № 10, 1950 г.) хочет доказать, что слабость образов партийных руководителей не уменьшает силой идейности романа «Жатва». Мне кажется, что уж раз автор решил посвящать читателя в жизнь руководящих партийных работников и ему это не удалось, — наша обязанность сказать ему, что эти герои показаны тускло, мало поучительно. Затем нужен был акт «самопожертвования» — разучка секретаря со своей женой и мука одиночества то одного, то другого? И до войны, и во время, и после войны — семь лет жить врозь — это совсем не нужно!

Очень хорошо, что писатель взялся изобразить не только общественную, но и личную жизнь партийных работников. Но зачем было придумывать искусственные осложнения? Автор в целом продал и муку героев, при переходе Валентины на работу в МТС, опыт ее отталкивает от Андрея. Будто бы все испорчилось в жизни, если они вдруг окажутся вместе. А в жизни куда все проще: в каждом райцентре есть МТС — и я чула, Валентина, и работай! Так и нужно было решить, потому что разрывать семью противноестественно.

Андрей Стрельцов засекает, держит речу, но герой он не привлекательный, хотя Г. Николаева употребила много эпитетов, чтобы оживить образ. Но почему же уехала Степан, не так уж ему много отдалено места в романе, а ведь вижу я его — работающего, худощавого, светловолосого работника новой деревни, как живого, и в себе, и в МТС, и при встрече с Василием... Видно, у писателя нехватка знания жизни, чтобы правильно показать Стрельцова. Действительно, это не легкая задача. Хороший партийный руководитель — человек богатый жизненным и государственным опытом, с многоразными интересами, широкими перспективами, глубокими знаниями. Претворить все эти светлые возможности в живые черты и художественного образа, да к тому же не просто назвать их, а показать в действии — это действительно сложно, и пока что Г. Николаева с этой сложностью не справилась.

Но это отнюдь не означает, что ей нужно удовлетвориться достигнутым, а критике амнистировать то, что является слабым в романе.

А. Тарасенков пишет: «К сожалению, многие наши критики до сих пор судят о том, насколько партийно-педагогическим является тот или иной роман или повесть, только в прямой зависимости от того, насколько ярко и убедительно показан писателем партиз, секретарь райкома или другой руководящий партийный работник. Такие критики забывают, что сила большевистской партии — в ее народности, в том, что идея этой партии стала руководящими идеями для любого передового советского человека, будь он даже формально беспартийным». С. элементарно, о партийной направленности художественного произведения надо судить не только по тому, как изображены в нем партийные руководители, а и по тому, как в нем изображены представители масс, деятели колхозов и заводов, рядовые люди социализма.

Сам по себе этот тезис казался бы верен, но когда А. Тарасенков выдвигает его, ослабляет тем самым критику явных недостатков романа «Жатва», он совершает ошибку.

По сути это из произведений идейности состоит в умении видеть ведущие черты нашей действительности. А участие партийных работников во всех самых важных делах нашей жизни — разве это не одна из типичных, ведущих черт советской действительности?

Требования социалистического реализма сводятся именно к тому, чтобы произведение правильно отображало характерные явления эпохи. И именно потому, что мы видим волю партии на всех этапах развития и становления нашего Советского государства, именно потому, что мы знаем: без ее честной, прямой и мужественной политики, без самоотверженной борьбы за великие дела невозможны были бы никакие свершения, — мы не мыслим «Чапаева» без Клычкова, «Поднятую цепь» без Лавылова. Борьбу за коммунизм возглавляют передовые люди нашего времени, коммунисты — авангард своего народа, партийные работники.

Так разве можно о них молчать, разве можно в произведениях о советской действительности обходиться без образа политического руководителя; безавгетно бороться; отающего себя без остатка служению делу партии Ленина — Сталина, делу строительства коммунизма?

Нет! Мы хотим видеть этих героев сталинского времени в произведениях советских писателей, мы хотим им верить, любить их, мы хотим подражать им и учиться у них!

От имени бенгальской ассоциации прогрессивных писателей и деятелей искусства принят. Москва передает журналист Сандебрант Мазумар.

От имени прогрессивной индийской молодежи с речами выступили Балачандран Читтази и Сушана Сингх. Поэт Валлалатол прочел стихи, разоблачающие поджигателей новой войны.

Стихи о Сталине, о мире прочли также поэты В. Инсер, М. Исканский, С. Карсанов, В. Лугской, Г. Эмин и другие.

Вторая часть вечера была посвящена концерту.

ПЕРВАЯ ТУРБИНА ОТПРАВЛЕНА!

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Со станции Ленинград-Финляндская-товарная медлено вышел необычный по виду железнодорожный состав. Кроме обыкновенной товарной платформы, паровоз тянул четыре тяжелых восьмивосновых транспортера. Такой транспортер может выдерживать 120-тонный груз. На транспортерах — громадные стальные машины, напоминающие куски многометрового двойного колына или колеса, искусно разрезанного на несколько частей. Это — сегменты 130-тонного статора первой шимлянской турбины, изготовленной на Ленинградском металлургическом заводе имени Сталина.

Подготовку турбины к отправке работники завода вели в сотрудничестве с железнодорожниками. Заместитель начальника станции Ленинград-Финляндская-товарная Г. Кочанов был главным консультантом заводских транспортников, помогал им лучше разместить и закрепить громоздкие негабаритные детали. Специальная комиссия отделения дороги приняла турбину в отрывке, тщательно проверив ее размеры и проверив надежность ее крепления.

Первая турбина, сделанная в испытательном Ленинградском институте в конструктивном Ленинградском металлургическом заводе имени Сталина.

Индийские гости в Москве

Радужно встретили москвичи деятелей индийской литературы и искусства, гостиных в СССР. В их честь Союз советских писателей устроил 29 июля в Колонном зале Дома союзов вечер дружбы советской литературы и прогрессивной литературы Индии.

Аллодисментами встретили участники вечера появление в президиуме членов индийской делегации: поэта, драматурга, артиста и режиссера Хариндрата Читтазаная, старейшего поэта Индии Валдахола, известного прозаика, автора переведенного на русский язык романа «Голды»

Бхакхадур Бхаттачарья, журналиста Джанг Бахадур Сингха, Сатичандранга Мазумара, Шам Лал, представителя прогрессивной молодежи Индрии Балачандранга Читтази, студентку делийского университета Сушану Сингх, артистку Чандракеету Патель.

А. Софронов, открывший вечер, тепло приветствовал индийских гостей. Глава индийской делегации Хариндрат Читтазаная выражает благодарность за радушный прием, оказанный индийским деятелям литературы и искусства в СССР.

Индийские писатели в журналиста поделялись своими впечатлениями о Советском Союзе.

Мы видели много необычайных вещей, но мы нигде не видели того железного занавеса, о котором в истериче вопил в нашей стране света, — сказал в своей речи Джанг Бахадур Сингх. — Этот железный занавес существует только в воображении тех, кто поставил задачей всей своей жизни клевету на СССР.

В обзальной речи рассказывает о своих впечатлениях писатель Бхакхадур Бхаттачарья.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:
1 стр. Передовая. — Вопросы творчества — главное внимание! В. Ососков. — Образ большевистского руководителя.
2 стр. В. Априян. — Творцы гнилого чужака. А. Бахило. — Знание объясняет. Борис Семенов. — «Тезка». Л. Михайлова. — Група старых ошибок.
3 стр. По страницам журналов И. Козлов. — Первая повесть. Е. Марголис. — Очерк о знатном лесорубе. В. Колларский. — На линии огня. Александр Жаров. — Нетребовательность к стихам молодых.
4 стр. Моника Фелетон. — Я говорю правду! Листки из блокнота. Проф. М. Дунина. — Афганистан — Пакистан — Индия.

ТВОРЦЫ ГИБКОГО ЧУГУНА

В. А. ПРЕСЯН

Из дальних и близких городов прибывают инженеры и рабочие на Окесский завод сельскохозяйственных машин им. Октябрьской революции, чтобы ознакомиться с необычной работой литейщиков и затем перенести их опыт на свой родной завод.

Мы застали гостей в Урале, беседуя с инженером Окесского завода тов. Фоменко.

— Вот вам два одинаковых тонких металлических листа, — говорил Фоменко. — Попробуйте их прочтеть.

Гость попытался согнуть один из листов, но тот разлетелся, как стекло. Особым ушли в поам.

— Теперь попробуйте второй.

Опасливо зажмурив глаза, уралец надавил пальцами на второй лист. Этот только погнулся.

— Оба листа из чугуна одной плашки, — улыбнулся Фоменко.

Тонкий, гибкий чугунный лист! Это так же удивительно, как гнущееся фарфоровое блюдце. Советские люди трудятся много лет, чтобы преодолеть хрупкость чугуна, изменить его «природу», сделать его податливым, эластичным. И они добились своего: чугун в тонком листе стал похож на кровельное железо. «Но позвольте, — недоумоенно спрашивают вы у гостей, — ведь обычное кровельное железо — тоже продукт переработки чугуна. Что же тут нового?»

Ответ на вопрос дает сравнение двух способов изготовления листа.

...В маленькой ванночке непрерывно плавится металл. Перед печью — сравнительно небольшая и простая по конструкции машина. Через определенные промежутки времени по ложбу ванночки стекает жидкий металл и наполняет ковш. Литейщик подносит его к рабочей машине и быстро выливает разглаженный металл в «плитатель». Жидкий чугун мгновенно превращается в быстро бегущую широкую красную ленту.

Ленту несет вперед цепной конвейер. Она подобна огненной дорожке. Но вот она оборывается, и дальше движется уже только ровная нарезанная специальными ножами лента. Остатки отсылаются в бойлерную печь, а ленту — на железную площадку, укладываемую стойкой.

Так формируется тонкий чугунный лист. В остывшем состоянии он еще хрупок. Но при дальнейшей обработке тонкому чугунному листу придается эластичность, близкую эластичности кровельного железа. Края готовых листов обрезают, а затем формируют на прессе. Листам придается форма, напоминающая черепицу больших размеров. Да и верно — это кровля, новый вид замечательно крепкой кровли для домов!

Кровельными листами гибкого чугуна в самой Окесе и Океской области уже крыты сотни домов, больниц, школ и колхозных построек.

Не так просто делается обычное кровельное железо. Сначала из чугуна варят сталь в мартеновских печах, затем из стали отливают болванки в изложницах. Болванки прокатываются на мощных станах много раз, при этом неоднократно нагреваются. Формируются листы толщиной в два сантиметра. Но это только полуфабрикаты. Они отправляются далее на заводы, выпускающие металлическую кровлю. Там их снова нагревают и прокатывают. Таков путь кровельного железа — очень длинный, сложный, требующий много труда, электроэнергии и топлива.

Наш тонкий чугунный лист, — говорит Фоменко, — идет от ванночки до

крыши строящегося дома по наикратчайшему пути. Все известные вам процессы изготовления кровельного железа здесь исключаются. Как вы видите, в этой машине жидкий металл сразу превращается в лист нужной толщины. Он вливается в печь, а при изготовлении на металлургических заводах будет еще более дешевым. Кроме того, машина для формирования чугунных листов проста и дешева. Любой металлообрабатывающий завод может изготовить по нашему образцу машину и начать выпуск листа.

— Я приехал ознакомиться с технологией нового производства, — вступает в разговор директор литейного завода из города Дзвинькуа тов. Арутюнов, — думаю, что через три месяца мы дадим нашей республике первую партию чугунной кровли.

— Вполне возможно, — продолжает Фоменко. — Даже предприятия местной промышленности и промышленности могут выпускать наши листы. Отметчу еще одно важное обстоятельство: крышу из нашего листа можно и не красить, ибо чугун не ржавеет до дыр, как железо. Тончайшая пленка коррозии является защитным слоем и дает возможность кровле служить десятилетия. Вес кровли из нашего листа меньше железной и несравненно меньше черепичной. Это значит, что каркасы крыш могут быть значительно облегчены — весьма существенная особенность для небогатых лесом районов.

Мы встретились с главным творцом тонкого чугуна — инженером Евгением Григорьевичем Николаенко.

— Крыша? — спросил он. — Да, это значительное, но все же частное применение нашего листа. Использование его мыслится гораздо шире. Мы работаем над созданием листа различной толщины и размеров, который можно применять для обшивки вагонов, автобусов, сборных гаражей, а также для комбайнов, молотилок, веялок и многих других машин; из него можно изготовить части газовой плиты, посуду, предметы бытового обихода.

Таков новый материал, простейший в изготовлении, дешевый и прочный!

Мировая металлургическая наука бьется над решением вопроса о гибком чугуне около ста лет. Опыты по получению проката из жидкого металла впервые сделаны в 1847 году известным английским металлургом Бессемером. С тех пор многие специалисты разных стран испытывали свои силы на этой проблеме. В общей сложности было запатентовано свыше ста предложений, но удовлетворительных результатов они не дали.

Успешное промышленное решение этой задачи было найдено лишь в наше время инженером Е. Николаенко и профессором А. Улитовским при участии литейщика Б. Фоменко, Д. Неского и других.

— Война разрушила тысячи городов и сел, — говорит Николаенко. — Их нужно было восстановить, нужна была кровля. Мне и моим товарищам хотелось внести свою долю труда в гигантский восстановительный процесс, хотелось «дать» новый материал, который был бы полезен и для новых строок. Нао всех сил мы стремились к этой своей цели.

Высокая цель! Разве трудности могли остановить советских новаторов, видевших ее перед собой? Она, эта цель, разгоняла унылые временных творческих неудач, придавала людям новую энергию, вдох-
одевала их на преодоление любых препятствий. Интересно отметить также, что это важнейшее открытие в металлургии сделано на заводе... сельскохозяйственных машин. Почему же Николаенко и его товарищи взялись за «чужое дело»? Их толкнуло на это бескорыстное желание работать для блага народа — чувство, незнакомое специалисту капиталистического предприятия.

Когда видишь, что эта проблема решена так просто, возникает вопрос, почему же все-таки технология получения листа непосредственно из жидкого металла была предметом исканий металлургов в течение века? Сам технологический процесс действительно прост, но, чтобы найти его, нужно было приравниваться к неуловимому капризу этого специфического производства.

Трудно перенести значение для нашего народного хозяйства нового материала. Зато справедливо предсказывают ему большое будущее. Они считают, что гибкий чугунный лист со временем станет господствующим видом кровли.

По методу Николаенко — Улитовского машины уже дают продукцию на ряде заводов страны. На Окесском заводе имени Октябрьской революции монтируется машина уаушешной конструкции. Николаенко думает об автоматизации процесса, о формировании листов различной толщины и размеров, о будущей промышленности тонкого листа, о том, чтобы к машинам шел огненный ручей прямо из дома и тут же превращался в тонны листов.

И это будет наверняка, потому что новый материал получил горячее признание советских специалистов, потому что труд его творцов получил высокую оценку советского правительства. Е. Николаенко, А. Улитовский и К. Гетману присуждена Сталинская премия — «за разработку и освоение процесса получения тонкого листа непосредственно из жидкого чугуна».

Выучить опыт новаторов приезжают из Москвы, Киева, Харькова, Курска, Свердловска, Челябинска, Армавир и других мест. Многие желают наладить у себя производство кровли из гибких чугуновых листов.

Желают многие, кроме тех, добавим мы, которые, казалось бы, первыми должны были заинтересоваться опытом новаторов Окессы. Мы не бросаем упрека работникам Министерства черной металлургии за то, что их дело сделали другие. В нашей стране строитель сельскохозяйственных машин может создать новую кровлю, а металлург, глядясь, сконструировать новую жатку. Это происходит от избытка творческой энергии народа, поднятой партией. Но коль скоро кто-то сделал хорошее дело, имеющее отношение к тебе, откликнись, порадуйся его успеху, поддержи новаторов, помоги широко распространению их начинания! К сожалению, Техническое управление Министерства черной металлургии СССР этого пока не делает.

Нам кажется, что и другие министерства, заинтересованные в производстве гибкого чугуна для нужд своих предприятий, должны организованно разрабатывать его широкое внедрение. Планомерно производить кровельный чугунный лист следовало бы заняться и местной промышленности многих городов.

ОДЕССА

А. БАЧИЛО,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

ЗВАННЕ ОБЯЗЫВАЕТ

Ученые Белоруссии внесли немалый вклад в дело развития науки, культуры и народного хозяйства республики. Об этом свидетельствует значительное количество оригинальных исследований, а также работ, имеющих большое практическое значение. Среди них можно отметить и создание припека для вывозки торфа под удобрение, и создание комплекса машин для механизации трудовых процессов производства кокса-сагза на торфяниках, и разработку специального способа обжига мела, который помог получить новый вязкий строительный материал — вязкоцемент, и разработку метода использования костры для получения строительных плит, и множество других работ по сельскому хозяйству, животноводству, мелиорации и т. д.

Так творческая мысль ученых, воплощенная в конкретные и нужные дела, входит в практическую жизнь миллионов советских людей в их огромном созидательном труде.

И все же растущее народное хозяйство Белоруссии требует от всего коллектива ученых значительно большего, чем ими делается. Многие вопросы, связанные с освоением болот, комплексным энергетическим использованием торфа, повышением урожайности сельскохозяйственных культур, остаются еще нерешенными. Одна из причин этой медлительности кроется в том, что большая группа видных ученых-специалистов стоит в стороне от участия в разработке и решении насущных для народного хозяйства Белоруссии проблем.

Обратимся к фактам. В тематике Института торфа запланирована работа по практическому использованию торфяных остатков местного стеклозавода. Торфяной дотек запасов территории завода. А как лучше использовать его, научные работники Института торфа еще не решили. Они начали заниматься этой проблемой лишь в 1950 году. Руководит этой работой крупный специалист — член-корреспондент Академии наук БССР В. К. Климов. Он мог бы много сделать для быстрого решения поставленного вопроса, но практически не делает ничего, так как занят на работе вне Белоруссии.

Белорусия богата большими залежами торфа. С каждым годом возрастает потребность совершенствовать механизацию добычи торфа, решать многие вопросы, связанные с его переработкой. Наиболее важные из них нашли отражение в плане работы Института торфа. Научными руководителями работ были утверждены члены-корреспонденты Академии наук БССР В. Е. Раковский, В. Г. Горячкин, И. Г. Блох. Сотрудниками института дружно приступили к решению этих проблем. Но дело усложнилось из-за отсутствия

систематической квалифицированной помощи. Коллектив работал в Белоруссии, а научные руководители в Москве, в Московском торфяном институте, и живя в недостаточном количестве в научной жизни руководящего ими коллектива. Они не могли, а может быть, и плохо искал способы установить тесную связь с коллективом, но вели той постоянной научной работы, которую обязаны были вести как члены-корреспонденты Академии наук Белорусской ССР.

Присвоение звания действительного члена Академии наук или члена-корреспондента — это не только признание заслуг ученого, оно накладывает на ученого и определенную ответственность — своей работой способствовать неуклонному развитию науки в республике, заботливо выращивать молодые национальные кадры ученых. Какие же работы Б. Е. Раковский, В. Г. Горячкин и И. Г. Блох выполнили за последнее время в издательстве Академии наук БССР? Какие научные работы пишут они на белорусском материале, обеспечивали ли они в достаточной степени подготовку аспирантов по своей специальности в институте Белорусской академии наук? На все эти вопросы следует только отрицательный ответ.

Академия наук БССР крайне нуждается в кадрах по климатологии и агрометеорологии. Содействовать их подготовке с успехом мог бы действительный член Академии наук БССР А. И. Байгородов. Но он работает в Москве и по своей отрасли науки не готовит в Белоруссии ни одного научного работника. Не занимается подготовкой аспирантов и действительный член Академии наук БССР С. Н. Вышеселский.

Руководители ряда институтов уже эмпирически с тем, что некоторые действительные члены и члены-корреспонденты Академии наук БССР ведут здесь весьма незначительную научную работу. Смирится также и с тем, что ряд ученых вовсе не принимает никакого участия в работе академии. Так, член-корреспондент Академии наук БССР П. С. Пишмука только формально числится по Институту химии. Живет он и работает в Харькове, а в Минск приезжает только на сессии Академии наук.

Две пятых действительных членов и членов-корреспондентов Белорусской академии наук ведут свою научную работу вне Белоруссии.

Мы далеки от того, чтобы обвинять названных нами ученых в бездельи. Своей деятельностью они приносят и приносят немалую пользу науке. Но нельзя считать нормальным такое положение, когда столь значительное число ученых по тем или иным причинам не участвует в работе той академии, членами которой они состоят.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«ИНВАЛИДОВ НЕ ПУСТИЛИ В ПАРК»

Так называлось опубликованное 19 июля письмо группы инвалидов Отечественной войны. В письме приводился факт удивительного бездушия администрации Центрального парка культуры и отдыха имени Горького, запретившей пускать в парк инвалидов на мотоциклах.

Начальник управления культурно-просветительных предприятий исполкома Моссовета тов. Кремнева сообщает, что дирек-

Центрального парка им. Горького указано на недопустимость такого отношения к инвалидам. Всем директорам парков культуры и отдыха предложено беспрепятственно пропускать в парки инвалидов; передвигающихся на колясках.

Кроме того, возбуждено ходатайство перед исполкомом Моссовета о предоставлении инвалидам Отечественной войны первой и второй групп права бесплатно посещать парки культуры и отдыха.

Вопрос, почему все великое нашего миролюбивого народа воплотилось в мече, а не в «звезде»? Но ясно, что архаичский образ оплет служения поэту паутину службы и снова увел его от правды и поэзии в область беспредельного сочинительства.

Духом такого сочинительства проникнуты претенциозные фальшивые от первой до последней строчки (а их всего четыре) стихотворение «Памяти Пушкина».

Мы любовитны и трудолюбивы. И если бы встал из гроба он, — Увидел наши города и нын, Он отдал бы стране своей поклон.

На ложной основе покоятся ложные глубокомысленные этих слов.

Верный себе, В. Шефнер ухватился и эти четыре строчки до предела насытил архаизмами. «Встал из гроба он», «отдал бы... поклон», — как мало выжато этот словарь с ясним и гордым образом неуверенного, жизнелюбивого поэта.

С тем же показным глубокомыслием написаны стихи о «неопамятной надежде», которая

...Пройдет сквозь строй побед и лихолетий
И в будущее выкинута — тула,
Где счастливы все люди на планете...

Груз штампов давит на плечи поэта, мешая ему двигаться вперед. Он медлит расстаться со своей показней, думает, что она еще пригодится. Даже жажд дурного романа, кажется ему, сойдет, и он начинает стихи о фронтовых товарищах пошловато-безвкусовой строчкой: «Не вчера ли, мой друг, не вчера ли...»

Наше время, как, впрочем, и всякое иное, полное всего выражает себя в людях. В последнем сборнике Шефнера пытается сказать о них, но это всего лишь безликие упоминания. «Архитектор», «рабочий», «полтора», «плотик» мелькают в рецензируемых стихах, как тени. Это не типы, а молчаливые «уполномоченные» от тех или иных профессий, представительствующие, а не живые и действующие на страницах книги. Живого современника с его характерными чертами, с его богатим внутренним миром в поэзии Шефнера нет. И это происходит, очевидно, потому, что он просто плохо знаком со своим и нашими действительными современниками и даже как будто не старается углубить это знакомство.

Поэт, видимо, не раз побывал в поврежденном войной порту и на разрушенном вокзале, увидел там много бездействующих машин, выразительно изобразил мертвые поезда и покрытые плесенью корабли, но он не увидел там и не изобразил живых людей, возрождавших эти машины к жизни.

Раскрыть мысли и описать дела советских людей, показав их в главном деле жизни — в труде, осмыслить значение и пели этого труда поэту еще не удалось. Труд, как и сами люди в поэзии Шефнера, — только абстракция.

О, труд человека, забывшего горе,
Свободы подымающего чашу,
Ты выше, чем горы,
Ты глубже, чем море,
Ты неба огромней и краше!

Кого может взволновать и убедить этот вселенский образ, отбрасывающий читателя к временам пролеткультовской «Бунтарки»?

Строки эти взяты из «Стихов о природе», в которых, кстати сказать, рядом с литературными штампами есть и свежее, истинно талантливые строки. Стихи названы так не случайно. В прошлом критики справедливо упрекали В. Шефнера в том, что он настойчиво проповедил в своем творчестве уподобительскую мысль о «естественности» вечной природы и «тщести» жизни человека с его борьбой, радостями и страданиями. Ныне поэт хочет сказать о другом — о торжестве человека над природой. Но подчас делает это в такой отвлеченной форме, с такой диалектической сухостью, что верный замысел опровергается дискредитируется и стихи воспринимаются как декларация, как отписка, и только.

Для поэта окружающий мир ассоциируется больше с предметами, чем с людьми. Вечера поэт не может пробыть в живой мир сквозь дес статуи и надгробий. Сегодня романтизм, теплоходы, полные люди, паровозы, вагоны, побитые танки часто заключают поэту людей. И пока он не вырвется из окружения излелий человеческих рук и, так сказать, не найдет взаимнооттошений с самим человеком, до тех пор его поэзия, даже при самом обдуманном выборе тем, будет оставаться холодной и вялой.

Мы говорили о желании поэта пойти в погу с временем, с передовой советской поэзией. Намеиние это пока осталось несомнительным. Много в его новом сборнике следов непреодоленных вредных влияний, мало еще признаков действительного, творческого общения с жизнью.

Груз старых ошибок

Л. МИХАЙЛОВА

«Московское шоссе» — новая книга Вадима Шефнера. Первый сборник левинградского поэта — «Светлый берег» вышел незадолго до войны, в 1940 году, второй — «Пригород» был датирован 1946 годом.

Не так уж много создано поэтом. Известны автор с большим поэтическим стажем, с большим творческим багажом, но с меньшим числом отысов в печати. О Шефнере писалось много. Во-первых, потому, что сразу нашлись неумеренно восторженные поклонники его «скромных» и «чистых» (по заверению этих поклонников) стихов, а во-вторых, потому, что критике пришлось говорить не только о заблуждениях молодого поэта, но и о заблуждениях журнала «Звезда» и некоторых других, преимущественно ленинградских изданий и литераторов, восторженно подпевавших на цит как раз то, что в поэзии В. Шефнера было вредным и ушербным.

Критика сложилась в одном: Вадим Шефнер талантлив. Но там, где они говорили об удаче поэта, предвещая «благородство стиля, чистоту поэтического слова, эстетичность интонаций», другие, вполне основательно, видели эстетизм, беспомощное подражание, мертвый литературный шаблон, архаизацию. Иные критики считали, что поэзия Шефнера близка к театральной лирике, что в ней плодотворно возрождаются классические традиции русской поэзии. Между тем поэт лишь варьирует с ложным глубокомыслием тысячу раз использованные темы и мотивы. Он пел о тщести любви и неизбежности смерти, о брестности бытия и вечности искусства. Строй, ритмы, формы стиха — все было заимствовано Шефнером у эпигонской поэзии. И эти рабаки скопированная старая форма, отвечающая как нельзя лучше содержанию его стихов, вводила читателя в мир идеалистической символика, в мир отсталых представлений о современной поэту и читателю действительности.

Вадим Шефнер. «Московское шоссе». Советский писатель. Ленинград. 144 стр. 1951.

Война не вызвала существенных изменений в творчестве поэта. Его лирический герой остался в замкнутом кругу интимных переживаний и влеческих размышлений.

Прежние краски, прежние темы и образы перекочевали из «Светлого берега» в «Пригород». Огляд нам твердили, «что бессмертия нет на земле», опять слышалось старозавное, надоедливо-унылое «о чем грустить, о чем жалеть»...

Было, правда, в «Пригороде» несколько стихов о войне, о блокаде, но темы для большей части из них были отобраны в такой холодной объективности, а развитие образа построено так нарочито расчетливо, что стихи эти не только не волновали, а, наоборот, воспринимались как плод эгоцентричной игры средствами поэтической техники.

В «Московском шоссе» — новой книге В. Шефнера — видно стремление поэта пойти в погу со временем.

Жизнотворческие, живучие темы в основе стихов сборника: борьба за мир, великое преобразование пустынь, труд во имя коммунизма. Иные написаны и некоторые стихи о природе. «Бывший пригород» — так символически озаглавлено первое стихотворение цикла «Родной простор». «Нам не узнать предмета нашего, также здесь теперь дела», — восклицает автор, и читатель понимает, что изменились не только пригород, ставший «рабочим плановым городом». В чем-то переизменился и сам поэт, который начал находить в природе, в пейзаже предметы жизни, а не умирания, предметы обновления, а не распада.

В ряде стихов новой книги выразительность сравнений и описаний воспринимается не как самоцель, а как серьезная попытка поэта верно раскрыть идею. Пример такого удачного решения мы находим в стихах: «В горах», «Мост», «Большой Ленинград», «Московское шоссе», «Греческая баллада», «Дачника».

Но в целом книга все же не удалась. Хороших стихов в ней мало. Гораздо больше, к сожалению, декларативности, риторики, резонерства. Очевидно, нехватало у автора знания того нового, что отличает нашу послевоенную жизнь. Почти во всех стихах взяты нужные темы. Это так. Но чтобы тема зазвучала и стихи на эту нужную тему взволновали читателя, необ-

ходими взволнованность самого поэта, его неподдельная, органическая убежденность в том, что он, поэт, говорит. Другими словами, поэтическое воплощение темы требует высокой идейности. Здесь не обойтись внешним благополучием стиха, основанном на книжном опыте и на поверхностных представлениях об окружающей действительности. Нужна мощная сила, неподдающаяся страсти, та страсть, которую Великий называет пафосом поэта. «В пафосе поэт является влюбленным в идею, как в прекрасное живое существо...», — пишет великий критик. И в другом месте: «Каждое поэтическое произведение есть плод могучей мысли, овладевшей поэтом. Если б мы допустили, что эта мысль есть только результат деятельности его разума, мы убили бы этим не только искусство, но и самую возможность искусства».

Рассудочность вредит поэзии В. Шефнера. Заголовки многих стихов в цикле «За мир» говорят о лучших намерениях поэта («Москва», «Зал Победы», «Гиганты — са мир», «Памяти Пушкина»), но стихи эти не радуют читателя. Он видит холодное обгяривание темы, называющую заботу о гладкости слога.

Показательное всего в этом смысле стихотворение «Москва», которое трудно петь, потому что простота, что все в нем, от первого до последнего акварлато архаичнованного четверостишия, одинаково бедно, одинаково лишено поэзии и чувства. Здесь словарь так беден, а образность так архаична, что читатель не видит живучей создающей и героической стилистики могущественного государства, которую знают и любят всем сердцем советские люди и трудящиеся за рубежом. Стихи эти угнетают своей благоговейностью и стилизованностью. Любой советский читатель скажет о Москве точнее, значительнее и с тем искренним душевным волнением, какое вызывает в сердце каждого гражданина одно лишь слово — Москва.

Вдохновения не может прикасаться поэт. Вспомним отрывок из поэмы Маяковского:

До боли раскрыв
убогое зренье,
почти заморожен,
стою не дыша.
Встает
предо мной
темный
у замяев в озарении
земной
неподвижный шар.

Над миром гроб
неподвижен и нем.
У гроба —
мы,
людей предствители,
чтоб бурей восставши,
дел и поэм
размножить то,
что сегодня видели.

В этих строках — жизнь, любовь, горе поэта. Его понятия, его чувства, его место в рабочем строе позволили говорить о себе и о тех, кто в ту страшную и великую минуту стоял с ним рядом: «мы, людей предствители».

Разумеется, нет смысла сравнивать здесь масштабы таланта, и речь, конечно, идет не об этом. Но подход Маяковского к теме, принципы его отношения к великим общественным проблемам и событиям, — разве это не то бесспорное, безусловное в традициях Маяковского, мимо чего не может пройти ни один советский поэт?

Нам поминтся печальная зима, В те дни испили горя полной чашей...

Так эпичски бесстрастно начинает В. Шефнер стихи «У мавзолея».

И дело, разумеется, не в строфиче, отличной от строфики Маяковского, а в самой интонации, в слове. Здесь все выжато досаду: и рассеянность «помятущая», и эстетская «печальная зима», и архаичское «испили горя полной чашей».

В. Шефнер отходит от своей прежней узкой тематики, он думает и хочет сказать о больном, о важном. Но именно потому к нему и требуется предъявлять большие требования. Старые погудки не поются на новый лад. Как можно правливо рассказать о новых явлениях и процессах в жизни советского народа и народов мира, прибегая к таким мизурным словам и образам, как «светлое чудо», «благая пора», «факелы ада», «влюбленные заигнате», «звара нежизннотная», «чмящаяся нива войной»?

Поэзия — самый экономный вид литературы. Здесь, как нигде, должно быть «словом гесно, мыслям простором». Упогребление веточных апитетов, метафор взлет за собой исжадение смысла. Вот пример из стихотворения «Меч»:

Все, что в народе есть великого,
В нем (в мече!) — Л. М.) воплотилось
на века.

Полет, видимо, не раз побывал в поврежденном войной порту и на разрушенном вокзале, увидел там много бездействующих машин, выразительно изобразил мертвые поезда и покрытые плесенью корабли, но он не увидел там и не изобразил живых людей, возрождавших эти машины к жизни.

Раскрыть мысли и описать дела советских людей, показав их в главном деле жизни — в труде, осмыслить значение и пели этого труда поэту еще не удалось. Труд, как и сами люди в поэзии Шефнера, — только абстракция.

О, труд человека, забывшего горе,
Свободы подымающего чашу,
Ты выше, чем горы,
Ты глубже, чем море,
Ты неба огромней и краше!

Кого может взволновать и убедить этот вселенский образ, отбрасывающий читателя к временам пролеткультовской «Бунтарки»?

Строки эти взяты из «Стихов о природе», в которых, кстати сказать, рядом с литературными штампами есть и свежее, истинно талантливые строки. Стихи названы так не случайно. В прошлом критики справедливо упрекали В. Шефнера в том, что он настойчиво проповедил в своем творчестве уподобительскую мысль о «естественности» вечной природы и «тщести» жизни человека с его борьбой, радостями и страданиями. Ныне поэт хочет сказать о другом — о торжестве человека над природой. Но подчас делает это в такой отвлеченной форме, с такой диалектической сухостью, что верный замысел опровергается дискредитируется и стихи воспринимаются как декларация, как отписка, и только.

Для поэта окружающий мир ассоциируется больше с предметами, чем с людьми. Вечера поэт не может пробыть в живой мир сквозь дес статуи и надгробий. Сегодня романтизм, теплоходы, полные люди, паровозы, вагоны, побитые танки часто заключают поэту людей. И пока он не вырвется из окружения излелий человеческих рук и, так сказать, не найдет взаимнооттошений с самим человеком, до тех пор его поэзия, даже при самом обдуманном выборе тем, будет оставаться холодной и вялой.

Мы говорили о желании поэта пойти в погу с временем, с передовой советской поэзией. Намеиние это пока осталось несомнительным. Много в его новом сборнике следов непреодоленных вредных влияний, мало еще признаков действительного, творческого общения с жизнью.

ПЕРВАЯ ПОВЕСТЬ

ЗНАМЯ

Читатель привык к тому, что в «Знамени» чаще, чем в других журналах, публикуются произведения о Великой Отечественной войне и армии. Повесть молодого писателя Лыды Филатовой «Вторая рота» «Знамя» продолжает эту традицию. Зима 1943-го... Фронт далеко ушел от стен столицы. Советская Армия вступила в Белоруссию. Бой уже идет за Днепром, и врагу готовится вторая Сталинград в районе Юрсуны-Шевченковского. А под Москвой, в далеком тылу, несут боевую вахту советские прожектористы и зенитчики — бойцы противовоздушной обороны. Небо Москвы надежно прикрыто ст. фашистов. О прикрытии столицы, в роте прожектористов — небольшим звено сложной и мощной противовоздушной обороны — рассказывает Л. Филатов.

В центре повести — парторг роты Федотов. Молодой автор знакомит нас не только с родом войск, почти не затронутым нашими литераторами, но и с партийной работой — берет чрезвычайно важную тему для литературы об Отечественной войне. Федотов — деятельный человек, в груди которого постоянно живет свойственное большевикам чувство творческого беспокойства за порученное дело, желание сделать больше и лучше. Он не командует подразделением, не руководит непосредственно людьми, отражающими вражеские налеты. И вместе с тем его деятельность очень зримо сказывается и в боевой готовности прожектористов, и в их понимании своего воинского долга, и во взаимоотношениях начальника и подчиненного — во всем, что составляет повседневную жизнь роты. «Свою собственную жизнь вобрала в себя десятки других жизней и растерялась среди людей, их судеб, проступков и достижений, радостей и ошибок».

Герой Л. Филатовой приходит в роту не на пустое место. Здесь немало поработали и до него. Преемник парторга Волков не жалея труда, чтобы сделать свое подразделение передовым. Правда, ему мешала болезнь, а еще больше болезнь — неадекватные понятия о командирской роли и неправильные формы работы — стремление все сделать самому за коммунистов. И хотя в роте есть живая и действенная опора парторга — начальник станции Удалов, сержант Кузнецов и другие, настоящего партийного вожака в роте не хватало. Писателю удалось убедить в этом читателя и в соответствии с реальной действительностью показать античную деятельность нового парторга. Успехи Советской Армии на фронте по-

Заметные сдвиги

В третьем номере двухмесячного молдавского журнала «Октябрь», выходящего в Кишиневе на молдавском и русском языках, опубликовано начало романа одного из старейших писателей республики П. Кавца «Утро на Днепре». Писатель знакомит нас с горькими проблемами семьи бедняка — молдаванина Огита, работающего чабаном у помещика. Несмотря на мрачный фон, роман полон оптимизма, веры в светлое будущее. Писатель рисует правдивые картины революционной молдавской деревни, быт которой он хорошо знает. Уже с первых страниц оживают образы героев — подростка Ионела, ласковой любящей матери, отца, дядя Дажиду и других. К сожалению, не всегда ровен язык перевода, сделанного Ф. Гариним. Много в журнале стихов. Талантливый поэт А. Лупан представлен циклом стихов, посвященных новым людям молдавской деревни, борющимся за мир. Диринчо, задумчиво начинается его стихотворение «У колоды». Пашева песню, мать выбирает для сына светлую дорогу: Унесла мечта далеко, Песня завлекла. Рядом с самым черным Мир по солнечным дорогам Все бы шла да шла. Оглянись, опомнись, мама! Все ли это так? Над кратковатой этой самой Любодой из Алабами Свой язык кулак. Автор рисует грозную картину, которая могла бы ждать ребенка, если бы не было людей с чистой совестью, которые твердо сказали: не бывает войны! Удачна концовка стихотворения: Так вставая же рядом с нами, Любящая мать, В тот же строй, под то же знамя, Чтобы этими руками Мир и свет под небесами, Сына с ясными глазами Отстоять!

НЕТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ К СТИХАМ МОЛОДЫХ

Октябрь

Журнал «Октябрь» в № 7 поместил стихи поэтической молодежи: Н. Кутова, С. Бугоркова, Е. Евтушенко, Г. Халилецкого. Н. Кутов рисует степной простор, наполненный новой жизнью: горящие поселки, железнодорожные пути, громады черные копров, «отважно встречающих грубую атаку уральских ветров». Верную мысль выражает автор: бывшие пустынные места, преображенные силой человеческого труда и могуществом советской техники, становятся теперь не только далекими от Москвы, от сердца Родины. Однако поэтичность этой мысли не претворяется в чувство. Стихи остаются холодноватыми. Картина, написанная Н. Кутовым, не согрета присутствием человека. Восхищение о том, что «не кажется чудом». С платформы широкой, отсюда Домчаться за час до Москвы,— повисает в воздухе, тем более, что читателю все-таки кажется «чуждом» споспешность автора домчаться по железной дороге до Москвы за час из края, где отбываются атаки уральских ветров. Относительно смысла заключительных строк: Одно в проходах напряженные И скорость моторов одна, надо сказать: смысл их вовсе непонятен. Стихотворение Н. Кутова «Районный пенит» написано лучше других. В нем больше естественности, а приметы новой жизни описаны искренне и правдиво. В колхозном селе идет стройка, вырастают прямые улицы: Лежит стекло для окон, известка на траве,— здесь новостей так много, не меньше, чем в Москве. Построен шлюз в затоне, колхоз с колхозом слит... И в небольшом районе Большая жизнь бурлит.

нужные повторы. Геолог и него шли по пустыне, изнывали от зноя и «втаивших мечтала» о дожде. Почему же втайне? Через несколько строк Земля говорит: Уже мне дышать несмочь, А все я мечтаю о чуде... Как можно не заметить злоупотребления словом «мечтала»? Не замечены редакцией и такие несуразности в «мечтала» Земля, как, например: «Раскроюсь, плоды лепи». Есть у Евтушенко и такого рода фразы: «По каждому есть повторы», «Мы видим, степь окинувши». Или в другом стихотворении: «Ложитесь спать, да спите поильней»: «Я так мы с вами расшумелись в отагге». Публикация недоработанных стихов, засоренных малограмотными выражениями, не делает чести уважаемому журналу и не приносит пользы молодым авторам, достойным подлинного, а не формального внимания. Г. Халилецкий в стихотворении «Земля и море» считает себя обязанным, без всякой оговорки, необходимости, ответить на вопрос: что больше любит моря — море или земля? Решая эту выдуманную им проблему, он пускается в бессладкие рассуждения: Почему-то (!) привыкли считать моряков Удальцами — не страшен ни чорт и ни бог им! Потому ли, что в жизнь свою с древних веков Мы выходим по самым тяжелым дорогам! Надо ли доказывать автору и редакция, что советских моряков удальцами и хребтерами считает наш народ не потому, что они выходят в жизнь какими-то особыми дорогами. Надо ли опровергать фальшивые предположения о том, что морякам на земле «не уютно, невесело — даже с родными»? Кстати, об этом сообщает автор-мореход кому-нибудь, а именно родному человеку, любимой женщине, о чем смутно догадывались по таким строчкам: Так ли это? Не знаю. Сама посудя. Все вот это представь себе на расстоянии... Дальше автор изображается трудно- стью походов в штормовое море, когда — четвертую ночь нам ложиться невмочь: Чуть приляжешь — сигнал, и взметаются (?) слова. Расправляется подобным образом с русским языком, Г. Халилецкий выбывает о радости жизни на море; о гордости за почетную профессию моряка. Он рисует только трудности, от которых внезапно бежит туда, где «не дымится волны, в пустыню влекомы» (!). Напрасно редакция журнала «Октябрь» напечатала такие слабые стихи Г. Халилецкого, поэта неплохого, способного на большее. Александр ЖАРОВ

Очерк о знатном лесорубе

ДРУЖБА НАРОДОВ

Очерки о людях индустриального труда все еще редки на страницах наших толстых журналов. Вот почему так радует в альманахе «Дружба народов» № 3 очерк П. Федорова о знатном лесорубе — лауреате Сталинской премии Николае Назаровиче Брянове. Лесоруб — слово старинное. Оно плохо сочетается с трудом работников современной нашей высокоиндустриальной лесной промышленности. Со страниц очерка Федорова, посвященного лесорубу наших дней, встает образ рабочего-интеллекта, владеющего сложными механизмами, в создании которых он и сам принимал живейшее участие, образ «лесоруба», создающего свои новаторские методы труда в лесном деле. Мы встречаемся с Бряновым ранним рабочим утром в лесу, на участке и наблюдаем за ним глазами его гостя — марийского лесоруба Пасынкова, приехавшего в Песковку «для уразумения курса наук». «Лень только начался, но бригадир уже в своей обычной форме обрел нужный ему темп — крушит деревья так, как будто перед ним не лес, а мелкий подрост...»

Читая этот очерк, окупаешь, с каким огромным увлечением и мастерством работает стахановец Брянов. И когда автор говорит о том, как рабочий азарт захватил гостя Брянова, наблюдающего за его работой, как ему хотелось скинуть с плеч тяжелую шубу и... навальтрасить на громадную сосну, — веришь этому всей душой. Очерк сюжетен. И сюжет этот не надуман, как бывает порою, когда автор хочет прибавить очерку «заинтересованности», — он движется развитием образа. Новичок Брянов на работе, вечером Пасынков встречается с бригадиром в его доме. В деловом и вместе с тем задумчивом тоне этой беседы описывается горячее стремление знатного лесоруба не покоряться собой, нет, а все, как есть, выложить гостю, как можно глубже раскрыть перед ним суть своего метода. Беседа с Пасынковым, Брянов держит

перед собой лист бумаги, маняса на него какие-то листы и знаки. И вот в кону разговора перед гостем — наглядная схема кривовского метода. Бережно сворачивает Пасынков этот лист. Но он не только благодарит хозяина за науку. Он обещает догнать его, соревноваться с ним. Таков действительный итог встречи двух советских рабочих, творческих итог, обращенный в будущее. К сожалению, сюжетная форма, придавшая произведению органичность, собранность, не выдержана Федоровым до конца. Фактически конец очерка наступает после встречи двух лесорубов. Дальнейшее воспринимается уже, как искусственный, декларативный припевок. Автор обелил образ кривовского гостя — марийского лесоруба, отведя Пасынкову роль статиста. Напрасно! Будучи выписан более рельефно, образ этот помог бы Федорову глубже и ярче показать трудовое сотрудничество двух советских рабочих — русского и марийца, символизировавшее нерушимую сталинскую трудовую дружбу народов нашей страны. С. МАРГОЛИС

Звезда Востока

В Ташкенте вышел на русском языке шестой номер литературно-художественного и общественно-политического журнала «Звезда Востока». В номере опубликованы начало романа Айбека «Ветер золотой долины», посвященного послевоенной колхозной жизни в Узбекистане, и поэма Э. Рахима «Дорога счастья» в переводе М. Милованова. Герои поэмы — люди, прокладывавшие железную дорогу в пустыне. Читатель с интересом прочтет в журнале и комедию Абдуллы Каххара «На новой земле». Восемь лет прошло с тех пор,

Звезда Востока

как на земли Голодной степи пришли первые поселенцы осваивать пустынные земли, а теперь в ремареке ко 2-му действию комедии автор замечает: «Справа, уходя вдаль, растянулись крытые камышом дома. Слева — канал, берущий начало где-то за горизонтом... А герои комедии Адылов, Рахимджан и Мавлон вспоминают: «Восемь лет тому назад сколько здесь собирали центнеров хлопка с гектара». Одинадцать. Довели сейчас до двадцати центров? Довели, кое-кто и до тридцати пяти довели». В этом же номере журнала напечатано продолжение приключенческого романа Г. Брянова «Тайные тропы», помещена статья Угюна о задачах молодых писателей Узбекистана, напечатана также статья С. Басымова «Горький и узбекская литература». Статья Т. Фаттах и Мирмухтара «Почтовый перевод» посвящена переводу М. Шейхаде поэмы Ва. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», статья К. Юлдашева — переводу стихов С. Маршака. Серьезным недостатком журнала надо считать отсутствие в номере отдела критики и библиографии.

На линии огня

Звезда

С первых же реплик драмы Августа Якобсона «На грани ночи и дня» мы становимся возмущенными свидетелями той страстной и благородной битвы, которую ведет сегодня прогрессивный лагерь мира против темных сил одичания и смерти. Мы видим, как линия огня этой великой схватки проходит через каждый дом, задевает каждое сердце. Напрасно матушка Олсен, старая учительница, потирающая во время войны мужа и двоих сыновей, хочет теперь укрыться от злых вихрей, бушующих в мире, стараясь в боге и детях найти утешение. Ветер борьбы врывается и в ее тихий дом, ничего не оставляя от созданных ею иллюзий. С ужасом она видит: ее «духовный отец», проповедник Серенсон — жалкий ярец, пропавший свою совесть за американские серебришки; ее сын Херман — садист и убийца, долговоскрывавший под смиренной личиной свое истинное лицо кровавого нацистского вора.

И потрясенная Олсен, с помощью своих друзей, с помощью коммуниста Андерса, находит в себе силы не только с проклятием отвернуться от этих злобещих привраков ночи, но и сделать первые шаги навстречу новому дню, по дороге борьбы, вперед, к миллионам своих истинных сыновей — борцов за мир и свободу своей страны. Личная судьба Анны Олсен, которая, казалось бы, сама по себе могла уже составить содержание драмы, отнюдь не исчерпывает смысла этой глубокой и умной пьесы. Сила драматической пьесы Якобсона прежде всего в необычайно широком показе сложнейших социально-политических процессов, характеризующих сегодняшний день послевоенной маршаллизованной Европы. Мы видим в пьесе, как схваченная за горло планом Маршалла маленькая страна неумолимо вовлекается в орбиту американских военных планов, как прибирается в руки ее национальная промышленность, как все больше и больше нищает ее народ, в то время как местные финансы таянут уже по счетчикам своих будущие кровавые дивиденды. Мы видим, как на потребу подготовляемой войне пускаются в ход все испытанные средства лжи и обмана народа: от правого социалиста Мартина Хаггара, спекулирующего на своем «рабочем» произношении, до левого проповедника Серенсона, благословляющего именем бога атомную бомбу, до гитаровских выкорыщенной типа Хермана и Трала-малашин, сколачивающих среди молодежи ку-клукс-клановские отряды будущих террористов и погромщиков. «Ребят надо шаг за шагом, непрерывно приучать... к крови», — говорит в пьесе Трала-малашин, один из кандидатов в местные фюреры, намечая широкую программу отравления сознания юного поколения. С большой художественной силой рисует Якобсон этот злобещий гниющий процесс фашизации сегодняшней Европы. На борьбу с этой смертельной опасностью, угрожающей миру, в пьесе Яко-

Звезда Востока

бского встает светлые образы защитников человеческого счастья во главе с коммунистом Оскаром Андерсом. Пламенно взволнованный в Жизнь и Человека, мечтающий превратить землю в огромный цветущий сад, в котором человек будет жить «так, как человеку и следует жить», как живет он сейчас в России, — верный сын своего народа и партии, Оскар Андерс с большой любовью любит наш автором. Его непримиримая борьба с врагами мира, его сердечное внимание и помощь каждому простому человеку, его глубокая и чистая любовь к Ингрид, наконец, его героическая гибель безусловно дают возможность автору сделать образ Андерса центральной фигурой драмы. Таким же благородным материалом для актера является и немногословный, но полный внутренней силы образ учительницы Олсен и старика-доярника Хайка, так близко к сердцу прижимающего все, что происходит в мире. Как бы ни были еще слабы сейчас их противники, эти люди победят! Пигде не преуменьшая силы врага, Якобсон в то же самое время всем строем пьесы утверждает обреченность его укли. Он умеет это раскрыть не в авторских декларациях, а в самом жизненном поведении действующих лиц драмы. Мы вечно видим, как всеми поступками представителей лагеря ночи движет страх: они боятся народа. Как всякие гангстеры, они боятся и друг друга. Но больше всего их страшит завтрашний рассвет, ибо они знают, — он несет им поражение и гибель. Во всех их действиях сквозит неуверенность, судорожность. Они подобны ирку, идущему во-банк и уже не способному в случае проигрыша оплатить свою последнюю карту.

Звезда Востока

Посмотрите, как многословен проповедник Серенсон: он по несколько раз повторяет одни и те же слова, он непрерывно подкакивает себе, он помогает себе руками, он забрасывает собеседника словами, как бы стараясь за ними спрятать от него ложность мысли. Он явно боится, что ему не поверят, и потому, вероятно, его уже не раз выгоняли из многих домов так же, как выгоняла его из дома матушка Олсен ее дочь Ингрид. Якобсон умеет раскрыть поведение человека в ритме и характере речи своего героя. Вы просто физически ощущаете, слышите то еле-благословенный, то похотливо-хихикающий, то взрывающийся рыком при упоминании о «красных» голос заводчика Курта Трала-старшего. Точный социальный портрет создан Якобсоном. Вот он «Капитал» его препохабле». Вот он принимает в передней «своего» члена правительства, дает инструкции «своему» священнику, дает всякого упрямения совети заглатывает своих деловых друзей, лицемерно играет роль этого патриархального отца «воих славных» рабочих и, наконец, в страхе мечется под окнами, слыша грозную поступь народа своей страны. С такой же силой социального обличения выплывают и злобный «идеолог» местных нацистов, садист и стужатель Карл Хайка, «фюрер» местной молодежи Херман, Курт Трала-малашин — достойный сынок своего отца. В любви, даже самом маленьком, эпизод, Якобсон умеет выдвинуть запоминающийся и яркий характер. На несколько минут, скажем, появляется на сцене фабрикант Мартеус; несколько реплик — и вы уже ясно представляете себе биографию этого бывшего плотника, в результате бахих-то темных и преступных махина-

Звезда Востока

ций пробившегося в люди, этого материально хищника, свавченного теперь за горло американским капиталом и поэтому готового сейчас кричать «вой» непрощенным гостям. Умное и точное мастерство! Тем большим упреком мы имеем право сделать Якобсону, что он не нашел достоянных художественных средств для раскрытия ряда чрезвычайно важных образов — представителей прогрессивного лагеря, носителей основной идеи борьбы за мир в его пьесе. Бледной тенью проходит в драме инженер Асмус. А ведь за ним стоит Комитет по защите мира в городе. Именно он мог бы дать нам представление о том огромном политическом и организационном размахе, который приняло сегодня движение сторонников мира. Человечески мало раскрыт и душевно беден молодой рабочий коммунист Херия, должный в пьесе быть как бы идейным наследником погибшего Андерса. Бесцветна и беспомощна Ингрид — подруга Андерса, которая пыталась вырвать из-под нацистского влияния учителей своей школы. Мы вправе были бы увидеть в ней более богатый духовный мир, более ясную линию поведения. Есть слышимое примы, декларативные высказывания и у самого Андерса, несколько снижающие силу этого центрального образа пьесы. Жаль также, что фигура «главного режиссера», подготавливающего войну в этой стране, — американца Джексона — все время остается за кулисами драмы. Мастерство Якобсона могло обогатить нас новым видением и пониманием такой политической важной фигуры. Эти существенные прощеты могут быть вполне устранены автором в дальнейшей его работе над драмой. В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 90 31 июля 1951 г.

Молодежь Кореи едет на фестиваль

По улицам Москвы идет группа смуглых юнцов с черными, как смоль, волосами. Мальчишки сажают вперед и с восхищением смотрят на незнакомых даже им боевые ордена и медали.

Юноши прохаживают через Красную площадь, останавливаются у мавзолеев, долго смотрят на рубиновые звезды Кремля. Они вообще не по-юношески сдержанны, а в эти минуты стоят молча и торжественно, как солдаты во время присяги.

В тенистом Александровском саду, окутанном мягкими дымками сумерками, они поджидают в маленьком театре, играющим в песне. Приседают на корточки и, радостно улыбаясь, пробуют объясниться с ними, как могут. Родители доверчиво передают своих детей в руки молодых незнакомцев. В собравшейся небольшой толпе гулающих оную мальчишки и полуполотом сообщают всем:

«Корейцы! Герои из Кореи!»

Да, это молодые сыны героической и многогражданской Кореи. Они стоят у древних стен Кремля. А ведь всего неделю назад они еще были на охваченной огнем войны корейской земле.

Эта неделя далекого пути из Кореи в Москву для них — семь маршевых дней за целый год, семь дней без грохота авиабоев и свара пожаров.

Сто двадцать своих сынов и дочерей послала Корея на третий Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Берлине в защиту мира.

Среди посланцев Кореи — лучшие юноши и девушки, 19-летний дважды герой Кореи народно-демократической республики Ким Ги У, Стрелок-охотник за вражескими самолетами, он бил 11 американских машин. Немало вражеских самолетов уничтожил в воздухе и молодой детина, герой Кореи народно-демократической республики Ким Ги Ок. В составе делегации — медицинская сестра Ли Сун Им, спасающая на поле боя 150 бойцов.

Вместе с героями фронта и тружениками тыла молодежь Кореи послала на фестиваль большую группу артистов и спортсменов. На всех фронтах и в партизанских отрядах были выявлены лучшие молодые певцы, музыканты, танцоры. Едут в Берлин и баскетболисты. Большинство из них больше года не держало в руках кожаного мяча. Они сражались!

33 человека входят в танцевальную группу. Руководит ею Ан Сын Хи, которую хорошо знает и любит московский зритель. С самого начала войны она выступает на фронте перед бойцами. Однажды Ан Сын Хи попала в окружение и ее некоторое время считали погибшей. Спас ее молодой полковник Хен Чер, который возглавляет сейчас делегацию корейских спортсменов.

На фестивале будет выступать хор под руководством Кван Сан У. Среди его солистов — известные артисты Ким Ван У (бас), Юн Ген (сопрано), Кон Вон Хан (сопрано). В числе музыкантов мы увидим уже знакомого москвичам скрипача Пек Ко Сана, пианиста Ли Ин Хена.

Как о большом радостном и важном событии, говорят посланцы Кореи о предстоящем фестивале. Они передадут в Берлине братский привет от корейской молодежи представителям миролюбивой молодежи всех стран, они заявят о твердой решимости бороться за свободу своей родины, за мир во всем мире.

И вот над древними дорогами и тропами летит советский самолет. Далеко внизу в синеватой дымке медленно проплывают владения узбекских колхозов. Самолет оставляет позади снежные вершины Гиссарского хребта и приземляется на советской земле, перед «прыжком» через горные цепи Гиндукуша. Проходим с заргорелыми веселыми пограничниками и вскоре оказываемся над многоводной Аму-Дарьей.

Это — граница между СССР и Афганистаном. Величайшая река Средней Азии, до серовато-синяя, то вынырывающая серобром по ярким лучам солнца, выгадит, словно широкая лента. Глядя на могучую Аму-Дарью, нелегко унести мысль туда, где разворачиваются работы на одной из чудесных строек коммунизма — Главном Туркменском канале.

Машина набирает высоту. Теперь под нами, насколько хватает глаз, хаотичное нагромождение хребтов, скал, ущелий. На вершинах высоких гор ослепительно сияют снега и льды. Стоянович

ИНТЕРВЬЮ С МОНИКОЙ ФЕЛТОН

Английская общественная деятельница Моника Фелтон недавно посетила Корею...

Английская общественная деятельница Моника Фелтон недавно посетила Корею в качестве члена специальной комиссии Международной демократической федерации женщин. По возвращении в Англию г-жа Фелтон выступила на пресс-конференции, где разоблачила злодеяния американских интервентов в Коре.

Немедленно после этого против Моника Фелтон была подана злобная травля в парламенте и буржуазной печати. Лейбористский министр Дэлтон отдал 12 июня приказ об исключении г-жи Фелтон из корпорации по строительству города Стивнаджа, председателем которой она являлась.

Преследование Моника Фелтон лейбористским правительством вызвало широкое возмущение в Англии и во всем мире. Ниже мы помещаем интервью с Моникой Фелтон, взятое по просьбе редакции «Литературной газеты» английским журналистом Гордоном Шэффером.

После моего возвращения из Кореи, куда я ездил в качестве члена комиссии Международной демократической федерации женщин, многие организации со всех концов Англии — политические, профсоюзные, культурно-просветительские и женские — обратились ко мне с просьбой рассказать о своих впечатлениях. Ядовитые англичане с трепетом спрашивают: что же творят в Коре от их имени?

Я уже выступала в Лондоне и во многих других городах Англии и Шотландии. Новую слушатели с улаком узнавали правду — всю правду, как она есть, — о войне в Коре. Наш народ начинает понимать, что эта война фактически разрушила все корейские города и деревни, истребила миллионы корейцев — мужчин, женщин и детей. Он теперь узнает о том, что американские бомбардировщики стерли с лица земли результаты замечательного строительства, проведенного Кореи народной республикой после освобождения Кореи в 1945 году. А как гордится корейский народ тем, что им было уже создано в его новом государстве.

Следует помнить, что английский народ вынужден был целиком полагаться на прессу, публикующую лишь те известия, которые пропущены строжайшей цензурой, установленной американскими оккупационными властями в Японии. Англичане практически почти лишены возможности узнать, что происходит в районах, оккупированных американцами или подвергавшихся бомбардировке с американских самолетов.

Ввиду отсутствия информации большинство моих сограждан честно верило, что война в Коре была следствием агрессии с Севера и что Англия помогает действиям Организации Объединенных Наций. Но теперь они горячо стремятся ознакомиться с подлинными фактами, с действительным положением вещей. В своих выступлениях я рассказывала о подлинных документах, представленных нам правительством Кореи народной

Я ГОВОРЮ ПРАВДУ

республики. Эти документы (ны держали их в собственных руках) были захвачены в Сеуле в прошлом году. Они неопровержимо доказывают агрессивные намерения Ли Сын Мана и его американских советников.

Поскольку английский народ видит, что агрессия пришла не с Севера, а с Юга, он начинает понимать всю картину и все значение событий, происшедших в те дни, — событий, достигших кульминационного пункта теперь, когда американцы представили свой проект «мирного договора» с Японией, предусматривающий перевооружение японских милитаристов, как попытку новой оккупации Маньчжурии.

Наибольшая трудность, возникающая перед нами — той частью английского общества, которая стремится сказать правду всю правду, состоит в том, что пропаганда в печати и по радио одновременно воздействует на миллионы людей, между тем как мы имеем возможность обратиться лишь к тысячам.

Ни одна английская женщина, видевшая происходящее в Коре ужасы, не может не испытывать чувства ответственности. Я изменила бы своему долгу перед человечеством, если бы, увидев все происходящее в Коре, услышав призывы корейского народа, не проинквася решимость по возвращении на родину сделать все возможное, чтобы открыть глаза своим согражданам, чего бы это ни стоило мне лично. Со всех концов мира — из Америки, Канады, Франции, Дании, Чехословакии и многих других стран, как и от частных лиц и организаций из всех частей Англии, — я получаю письма с выражением сочувствия и моральной поддержки. Я получаю большое число писем от женщин, причем на многих из них стояли подписи всех членов семьи; все они желали мне успеха в моей работе.

Приказ министра местного самоуправления и планирования Дэлтона, сместившего меня с поста председателя корпорации по строительству Стивнаджа, нового города, который возводится недалеко от Лондона, вызвал негодование в широких слоях населения. Многочисленные профсоюзные, женские, кооперативные и другие организации приняли резолюцию протеста.

Я, разумеется, глубоко сожалела, что отстранена от участия в завершении этой работы в наиболее трудную, начальную стадию, во время которой я была председателем

Моника ФЕЛТОН

дательном корпорации. Но я знаю, что рука об руку с реконструктивной работой должна идти борьба за мир.

Мы в Англии всегда гордились правом на свободу слова. Мы свято чтим память многих мужчин и женщин, борющихся в прошлом за это право. Национальный совет защиты гражданских свобод уже созвал в Лондоне большой митинг протеста против нарушения этого права, как это было в случае со мной. Я уверена, что волна протестов будет расти.

На всех митингах, где я выступала, мне задавали вопросы о советской помощи Кореи. Я разъясняла, что, хотя советский народ глубоко сочувствует Кореи, он проводит политику невмешательства и делает все возможное, чтобы предотвратить расширение конфликта и сохранить мир. Сообщенные мною факты производили глубокое впечатление.

Когда начались переговоры о перемирии, меня вступо спрашивали, что могут сделать англичане для оказания помощи корейскому народу в восстановлении страны. Многие говорили о том, что необходимо послать продовольствие, медикаменты, одежду и как-нибудь помочь устранению вызванного войной хаоса. Эти чувства лучше всего были выражены одним молодым военнопленным в письме из Кореи, которое я привезла его матери.

Рассказав о хорошем обращении с военнопленными в Северной Коре, автор письма говорит: «Эти люди нам ничем не обязаны. Мы же перед ними в неоплаченный долг. Давайте все возможное для прекращения этой бессмысленной войны, чтобы мы могли вернуться домой как можно скорее. Английские и американские военные организации в своих лагерях комитеты мира. Мы делаем все возможное, чтобы добиться мира для человечества, еще не залечившего раны прошлой войны, и сохраняя этот мир навсегда».

Я уверена, что уроки войны в Коре не пройдут даром для английского народа и что как только он получит возможность узнать правду, он использует свои прогрессивные традиции в интересах мира и потребует мирного урегулирования разногласий между великими державами.

Что касается меня, моей задачей будет делать для этого все, от меня зависящее. Дэлтон некоторым образом оказал мне услугу, так как у меня теперь, наконец, достаточно свободного времени для окончания романа, в котором описывается жизнь английского шахтерского поселка и борьба честных профессиональных работников, поддерживаемых простыми людьми, против разлагающего влияния корпорации. Этот роман вскоре будет напечатан в Англии. Возможно, что он будет представлять интерес и для советских читателей.

Листки из блокнота

«ПАЕК УЗБЕА» И ВОСТОРГИ ПРЕМЬЕРА

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

«Мы сделаем из Англии место, где мужчины и женщины смогут жить прекрасно и счастливо... Мы не обманем...»

Проф. М. ДУНИН

Афганистан — Пакистан — Индия

1. Кабул

Путь наш, делегации советских ученых, направлявшихся в далекую Индию на международную сельскохозяйственную конференцию, пролегал через Афганистан и Пакистан.

Это приблизительно то направление, по которому на протяжении нескольких столетий караванными дорогами и тропами, на конях, верблюдах и пешком не раз хаживали русские люди. Начиная с первой половины XVII века, Москва не раз посылала свои посольства в Кабул или, как тогда писали, «в Кабул с государскими грамотами» и подарили «шаху индийскому» и подарками «шаху индийскому». А еще двести лет раньше (в 1466—1472 гг.) горячий патриот «всех Русей», смелый и наблюдательный путешественник и замечательный писатель «тверицкий» Афанасий Никитин несколько лет прожил в Таври в «Индийскую страну бесермьскую» и обратно «на Русь».

И вот над древними дорогами и тропами летит советский самолет. Далеко внизу в синеватой дымке медленно проплывают владения узбекских колхозов. Самолет оставляет позади снежные вершины Гиссарского хребта и приземляется на советской земле, перед «прыжком» через горные цепи Гиндукуша. Проходим с заргорелыми веселыми пограничниками и вскоре оказываемся над многоводной Аму-Дарьей.

Это — граница между СССР и Афганистаном. Величайшая река Средней Азии, до серовато-синяя, то вынырывающая серобром по ярким лучам солнца, выгадит, словно широкая лента. Глядя на могучую Аму-Дарью, нелегко унести мысль туда, где разворачиваются работы на одной из чудесных строек коммунизма — Главном Туркменском канале.

Машина набирает высоту. Теперь под нами, насколько хватает глаз, хаотичное нагромождение хребтов, скал, ущелий. На вершинах высоких гор ослепительно сияют снега и льды. Стоянович

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

трудно дышать. Появляется вьюга. Один из шилтов восторжничает, но быстро, как-то очень «домашним» движением раздает пассажирам высушенные маски. Теперь дышать легко и свободно, можно снова смотреть и писать.

«Перевалив» через Гиндукуш, самолет «покатился» вниз к плато, где на высоте около двух километров над уровнем моря раскинулась столица Афганистана — Кабул. Сверху город выглядит желтоватым пятном, расчерченным линиями улиц и пересеченным маленькой речкой, посланной же название, что и афганская столица.

Плано приземляемся на аэродроме, неподалеку от одного самолета, на котором нарисованы полосы и звезды — эмблема США.

На редкость красиво расположен Кабул, утвердившийся на скрещении тысячелетних путей из Европы, Средней Азии, Ирана — в Индию и Китай. По горной долине здесь раскинулись вокруг столпы Афганистана, словно разорванные и как понало брошенные нитки изумрудного ожерелья, тысячи маленьких садов, огородов, полевых участков. Скальные хребты Гиндукуша, подобно причудливому серебряному орнаменту, окаймляют лазурную чапу неба, опрокинутую над Кабулом. Чудесен окружающий ландшафт под ярким, горячим, даже зимой, солнцем.

Однако прелести пейзажа быстро меркнут, когда въезжаешь в город. Пронсящиеся мимо автомашины, тощая растительность, любые предметы на улицах и в домах покрыты всепроникающей, всеобъемлющей, не спадающей ни днем, ни ночью пылью!

Преобладание глиняных домов на улицах Кабула и эта удручающая пыль говорят о спеле остатков прошлого; однако скоро замечешь и «новшества», свидетельствующие о кое-каких переменах, которые произошли в жизни страны.

Столица Афганистана явно «американизирована». Уже по дороге с аэродрома мы увидели на стенах кинотеатра (одного из двух,

имеющихся в городе) кричащие рекламные голливудские боевики.

Внезапно и пыльно душатажом «Отель де Кабул», единственным в городе, слыша главным образом английскую речь с американским выговором, да еще непонятно со своеобразными американскими «акцентами».

Акцент этот — не фонетический, а в том проамериканском смысле, которым насыщены разговоры многочисленных «друзей» Афганистана, прибывших сюда из Западной Германии и Австрии. Очень скоро мы узнали причину появления немцев на далекой земле Афганистана, узнали также и чьи интересы они здесь представляют.

Американцы глубоко проникли в деловую жизнь Афганистана. Заоеканские бизнесмены захватили афганский рынок в свои руки и совершенно не церемнятся. Они без стеснения завлаивают страну невероятной рухлядой.

Магазины Кабула забиты грязной, занозенной мужской и женской одеждой, комбинезонами, военным обмундированием, перешитым «сна штатский фасон», и т. д. В десятках лавок американский товар представлен «ааламами» (автоматическими ручками), пелено раскрашенными с языком расцветом на «дешевый» вкус афганцев. Тут же отравительное мыло, записные книжки из самой плохой бумаги, но в ярких обложках и «роскошными» тиснением. И, словно злые карикатуры на пресловутые «старс энд страйпс» — звезды и полосы — государственного флага США, перед кабульскими лавками качаются на ветру выставленные на продажу и подвешенные на веревках своеобразные эмблемы американской «помощи» Афганистану — старые, лоснящиеся штаны с полосками грязи и «звездами» заплаты!

Какое издевательство над народами Афганистана! Народами, у которых чувство личного и национального достоинства является одной из важнейших черт характера. Ведь именно эта черта наряду с

экономическими стимулами, с воинственностью народов Афганистана сыграла решающую роль в дивнейшей более столетия борьбе афганцев против английских колонизаторов, за государственную независимость и самостоятельность Афганистана.

И на всем протяжении этой борьбы трудящиеся нашей страны всегда были и являются искренними друзьями народов Афганистана. Об этом лучше всего говорит тот исторический факт, что великий основоположник и глава Советского государства Владимир Ильич Ленин поддал руку помощи Афганистану, признав его независимость в то самое время, когда империализм — в который уже раз! — пытался захватить и поработить эту непокорную страну. Это знают и ценят широко круги населения Афганистана.

Из бесед с представителями самых различных слоев населения — от купцов до лиц, близких к правящим кругам, мы узнали, что афганцы платят американцам за их хлам ценными товарами — каракулем, шерстью, кожей, мехушкой. Большое место занимают в экспорте фрукты и хлопья.

Один афганский купец, характеризует этот «товарооборот», сказал мне: — Это — жизнь вверх ногами... Наш товар мы берем в Мазари Шериф (этот пункт находится неподалеку от границы с СССР — М. Д.) и везем через весь Афганистан выкупаем на верблюдах. Потом товар идет через Пакистан. Это очень плохая торговля...

Не нужно быть экономистом, чтобы понять всю нелепость подобной «конъюнктуры», которая, как забученный песок, все более и более засасывает экономику Афганистана в сферу «интересов» и влияния Америки. В Афганистане нет железных дорог и мало автомобильных шоссе. В то же время основная масса экспортных товаров производится в северных, северо-восточных и северо-западных районах страны, в ближайшем соседстве с Советским Союзом. Каалось бы, самое выгодное в интересах афганского народа вести торговлю с великим северным соседом. Но, распуску вопреки, подчиняясь требованиям США, афганские правящие круги ношли по иному пути.

Под видом всевозможных «экспертов», технических руководителей и т. п. американские агенты проникают на командные посты в министерства и другие уч-

реждения. Но — любопытная деталь! Видимо, вслед за англичанами теперь и американцы учатся, что для афганского народа люди, говорящие на английском языке, уже давно сделались олицетворением раба и порабощения. В связи с неоднократными варварскими опустошениями Афганистана, с извержениями истребления его жителей английскими колонизаторами даже само слово «англичанин» и XIX столетия стало здесь «браным».

Удивительно ли, что теперь при новых попытках экономического и политического порабощения Афганистана американские империалисты набирают для этой страны многочисленных «экспертов» и «инженеров» из... Западной Германии и Австрии.

Вот, оказывается, почему в немецкой речи этих «друзей» Афганистана так силен упомянутый выше американский «акцент».

Как полезно было бы для афганских специалистов сельского хозяйства изучать советскую агро-биологическую литературу! Они бы тогда еще скоро разглядели и поняли, что нынешний стиль и «курс» работы американско-немецких «менеджеров» и «лайтеров» (т. е. «руководителей») приносит серьезный вред сельскому хозяйству Афганистана. Тогда сами афганские специалисты могли бы предвидеть и предотвратить такие печальные для Афганистана «случаи», об одном из которых рассказал нам представитель афганских правящих кругов. Оказывается, в 1950 г. в Афганистане погибла от осенних заморозков значительная часть урожая хлопчатника, последнего семенами американских сортов.

А ведь в Туркменской и Узбекской ССР, расположенных значительно севернее Афганистана, в более суровых климатических условиях, отличный урожай этой ценнейшей культуры вырел и был собран до заморозков.

Это, конечно, не первый и не последний пример, показывающий истинную цену научного «руководства» и «культуртрегерства» империалистов.

В нескольких километрах от Кабула находится замечательный историко-этнографический музей. В нем собраны много-

численные экспонаты, свидетельствующие о высокой культуре народов, населявших в прошлом территорию Афганистана. Здесь собраны изумительная резьба по слоновой кости, произведения скульптуры, памятник письменности, образцы оружия, одежды и т. д.

Но вдруг вы наталкиваетесь на явную «экспонат». Он резко отличается от всего остального: огромная алаяпоятая ваза, расписанная кричащими красками и покрытая грубой позолотой.

Откуда взялась в музее эта ваза? — спросили мы сопровождавшего нас агента. — А это, видите ли, подарил Афганистану наши западноевропейские «друзья»... Они сказали, что берут на память из музея древние и даже поперенные статуи Будды, а нам преподносят совершенно новую золоченую вазу... Только теперь мы поняли, что «друзья» бесостовно обманули и ограбили нас, забрав бесценные уникальные произведения древней скульптуры, имеющие мировое значение, а подсутили нам вот это... — и собеседник презрительно махнул рукой в сторону вазы.

А вот совсем иная картина. Неподалеку от Кабула расположена опытная ветеринарная станция. Она была создана в результате большого и кропотливого труда советского ученого Александра Рахманова. Станция примечательна не только тем, что производит крайне необходимые Афганистану лечебно-профилактические препараты для борьбы с чумой скота. Огромное научно-хозяйственное и культурное значение имеет то обстоятельство, что Рахманов, организовавший и наладивший работу лабораторий ветеринарной станции, одновременно подготовил квалифицированных специалистов-исследователей из среды афганцев.

Заведующий опытной ветеринарной станцией продемонстрировал делегации советских ученых бережно сохраняемую фотографию Рахманова и выразил горячую признательность за ту помощь, которую этот советский ученый-гуманист оказал афганскому народу...

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИНА, А. КОРНЕИЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРКОВ (зам. главного редактора).